Литературная страница

С интересом встречают каждый раз литературную страницу, подготовленную самодеятельными поэтами и прозаиками, членами литобъединения «Магнит», читатели заводской газеты.

Вот и сегодня на суд любителей поэзии представляют свои новые стихи В. Попов, А. Павлов, Ю. Богданов и Л. Чернышов.

Борис ПОПОВ

СОЛДАТ

Под кленом в серебряной блузке
темнеет, но светится снег.

...Проходит по улице узкой
нестарый еще человек.

Протравленный праведным потом,
пропахший густым табаком,
несет он с неловкой заботой
бумажный кулек с молоком.

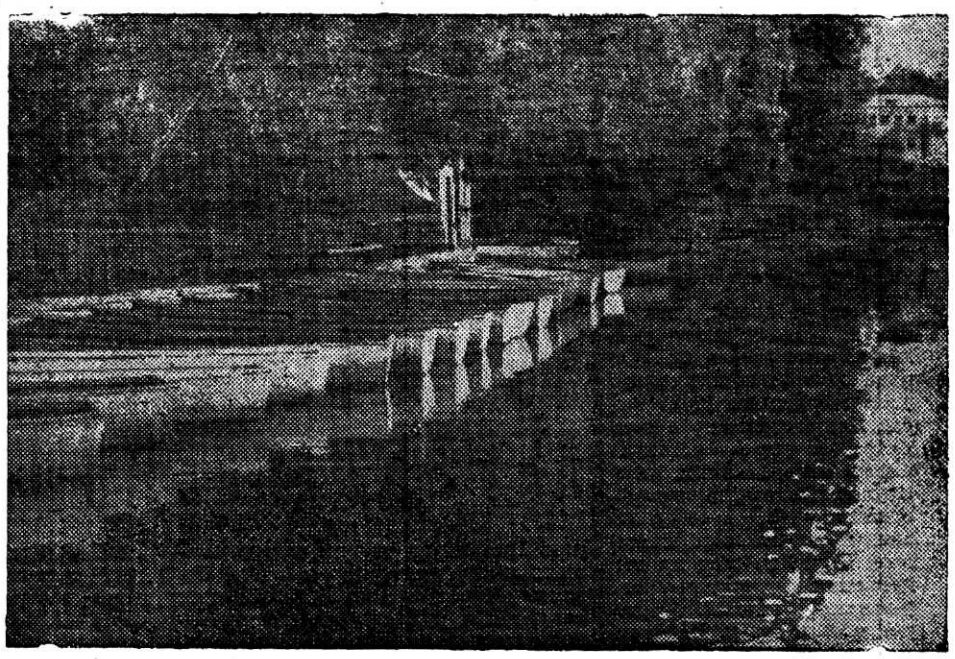
Я знаю, кто он. Мне сказали.
Недаром на каждом углу
его провожаю глазами
и редкие взгляды ловлю.

Как ночь наступает сквозная —
я знаю, я знаю! — тогда,
задумавшись, он вспоминает
свои фронтовые года.

Где в громе тяжелых раскатов
и песен последней войны
мужчиной он стал и солдатом
великой своей стороны.

...Так памятны эти зарницы,
что сердце больнее стучит,
когда начинают струиться
рекламы в лиловой ночи.

ФОТОВЕРНИСАЖ «ММ»



Представляем работы В. ВОЛКОВА:

«ЛОДОЧНАЯ СТАНЦИЯ»,

«ЮНОСТЬ»

И «ЗРЕЛОСТЬ МАГНИТКИ»

Александр ПАВЛОВ

ИДУ К ТЕБЕ

Не приглушая веплески добрых чувств,
не нарушая добрых ощущений,
иду к тебе, мой городок весенний,
как будто силы обрести хочу.
Иду к тебе, где площадь в серебрянке
и чуточку красны карагачи,
где горячи мартены и вагранки
и пламенеют в стенах кирпичи.
Таков ли ты, каким тебя оставил?
Окраины теснятся стороной,
и стало меньше ставенок и ставен,
оставленных в наследство старицой.
Просторно сердцу в синеве весенней,
и взгляд летит над звонкой глубиной,
где по Магнитной рыжие ступени
растут к вершине полувековой.
А городок торопится по склону
домов и улиц раскрутив спираль...
Шагай, лети, стеклянно и бетонно,
и окрути собой степную даль.
Шагай, цвети! Тебе полвека скоро,
пусть долго не стихает голос твой...
Звенит твое раскатистое слово
почти над всею матушкой-землей!

В ТЕРМИЧКЕ

Я видел экскурсантку, ученичку,
что пробиралась между кирпичей
в обход палящих пламенем
печей
сквозь газом отдававшую
термичку.

Какие чувства тронули ее,
какие мысли посетить сумели,
когда на согревающемся теле
досадно взмокло тонкое белье?

Она беречь устала башмачки,
остановилась и забыла злиться,
уже спокойней вглядываясь в
лица
и в печи из-под крохотной руки.

Все оставалось прежним. Но при
ней
работа шла невидимо и споро,
словам горячим не было простора
у смирных неестественно парней.

Был вечер за высокою стеной,
и, странной власти женской не
утратив,
девчонка в тесном розовеньком
платье
светилась в цехе мягкою луной.

Я спешу

Погоди, погоди...
Успокойся! Ведь это не дело.
Вот — промчатся дожди,
вот — опустится зазимок белый...
Только ветры спешат,
и желанья торопятся сбыться...
В журавлиный большак
потянулись последние птицы.
Я спешу, я спешу!
Нужно быть до рябинных
морозов
там, где в каменный шум
с перевалов летят лесовозы.
Где, дробя солончак,
несусветные мечутся ливни,
где гитары звучат
не беспечно, а гордо и длинно.
Встречи радостный миг!
Покачнется палатка в угаре,
будто скомканный мир
в заскорузлых ладонях подарит.
Будто где-то давно
обронил невеликое счастье,
будто снова оно
у тебя целиком и во власти.
Я спешу, я спешу...
Пожелай же хорошему сбыться.
Слышу осени шум —
улетают последние птицы.

Розовые гвозди

Я в цех являлся, будто в гости,
и наблюдал издалека,
как скачут розовые гвозди
от раскаленного станка.
В просторе грохота и пыли
смотрел, забившись в уголке,
что говорят глухонемые
на рукавичном языке?
А гвозди свечками взлетали...
И я запомнил навсегда,
как пахнет жареною сталью
их закалившая вода.
Я раз от разу был упрямей,
с добычей шествовал домой —
меня одаривал гвоздями
седой, как лунь, глухонемой.
С тех пор я не живу, как
выйдет,
и вряд ли думаю о том,
что сердце ранено навылет
стальным и розовым гвоздем.

НА КОСЕ

Волна в волну, как пуля в пулю,
и, распластавшись на косе,
солдаты вспаренные курят
от солнца бронзовые все.
Пока свершается купанье,
нерасторопен и сердит,
сидит, нахохлившись,
дневальный
у оружейных пирамид.
Волна в волну, как пуля в пулю...
И на спине у старшины
неровный шрам от катапульты
и три поглубже — от войны.
Волна в волну...
По желтым косам
снует проворный ветерок,
качая в море катерок,
где на борту горит —
«Матросов».

Юрий БОГДАНОВ

БЕРЕЗА И ЕЛЬ

Прощальный круг рисуют птицы...
Береза — вверена судьбе,
листы, как желтые страницы,
роняет под ноги себе.
Оголены и пусты ветви —
ей больше нечем говорить.
Она спешит за стылым ветром
разгульный посвист повторить.
Но лишена веселой речи...
Я поклониться ей готов.
Не дай же бог и мне отречься
от старых собственных листов!
А рядом легкая, босая,
едва разросшаяся ель
шагнет упруго на метель,
в сугроб иголок не роняя.

Леонид ЧЕРНЫШОВ

ВЕТЕР

Он буйно мечется по саду,
самодовольно хохоча,
то ветви ласково погладит,
то стеганет по ним с плеча.
В своей стихии жить отрадно...
Зачем он злится и поет?
И лижет ветви зло и жадно,
как будто мед по ним течет?